

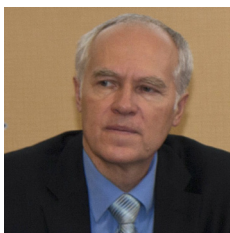

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.4.16

EDN: YFYVMU

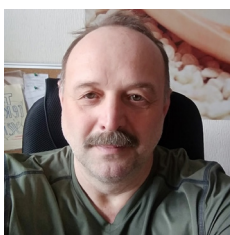
ПРОЕКТ ОЧИЩЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ОТ НАНОСНОГО И ВОЗВРАЩЕНИЯ К КОРНЯМ

Рецензия на коллективную монографию
«Современное российское образование:
вызовы и ответы»¹

**Семёнов
Евгений Васильевич¹**

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

**Сказочкин
Александр Викторович²**

² ООО «Криокон», Калуга, Россия

Для цитирования: Семёнов Е. В., Сказочкин А. В. Проект очищения образования от наносного и возвращения к корням. Рецензия на коллективную монографию «Современное российское образование: вызовы и ответы» // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 4. С. 225–236. DOI 10.19181/smtp.2023.5.4.16. EDN YFYVMU

АННОТАЦИЯ

Монография посвящена анализу состояния и процесса реформирования системы образования в России. Подробно обсуждаются проблемы платного образования, подготовки профессионалов в системе высшего образования, формирования ценностей, мышления и мировоззрения человека в образовательном процессе,

¹ Современное российское образование: вызовы и ответы : монография / О. А. Донских, В. И. Клисторин, Л. Ю. Логунова [и др.] ; под общ. ред. О. А. Донских; Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. Новосибирск : НГУЭУ, 2022. 274 с.

рассматриваются проблемы реформирования школьного образования. Особо выделен качественный анализ состояния системы высшего образования до и после присоединения России к Болонской декларации, освещаются функциональные основы образования советского периода и формулируются итоги реформаторских усилий последних десятилетий. Авторами обосновывается вывод, что никакой единой реформы российского образования – продуманной и работающей на интересы государства и общества – последние тридцать лет не было и нет до сих пор. Есть ряд реформаторских трендов, исходящих от различных инициаторов, и есть нечёткие общественные пожелания, каким должно быть будущее российского образования. Авторами сделан прогноз, что оно будет создаваться как самостоятельная структура на глобальном рынке образовательных услуг в условиях множества детерминирующих факторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

концепции развития образования, высшее образование, среднее образование, Болонская система, реформирование, системный подход, уровень квалификации, процесс обучения, функциональные основы образования, компетенции, образовательные принципы, образовательное пространство, фундаментальное образование, культурно-исторические традиции

Монография о состоянии и перспективах развития образования в России, написанная авторским коллективом под руководством О. А. Донских, является редким примером деятельной самоорганизации преподавательского сообщества, ясно видящего неудовлетворительное состояние образования в стране и неадекватность образовательной политики глубине и масштабу проблем. В монографии фактически излагается и обосновывается подход к формированию концептуальных основ альтернативной государственной политики в области образования, соответствующей отечественным традициям и требованиям нашего времени.

Монография состоит из краткого предисловия, трёх глав, обстоятельного «краткого» изложения содержания (вместо заключения), приложения, библиографии и сведений об авторах. В книге десять параграфов и приложение, представляющие самостоятельные авторские очерки, каждый из которых написан одним из одиннадцати входящих в коллектив гуманитариев – докторов наук в области философии, экономики, искусствоведения, культурологии.

Предисловие является своего рода манифестом авторского коллектива. По словам авторов, разнообразные инновации в сфере образования – новые стандарты, рабочие программы, ЕГЭ, ФГОСы и пр. – называются, но по сути не являются реформой, т. к. в действиях реформатора нет «основательной оценки существующего положения», «чётких целей», «понятных обществу мер», оценки «полученных результатов реформы», а также обсуждения с профессионалами и обществом целей и мер «реформы». К тому же «во время перестройки системы, когда ещё непонятны последствия принятых мер, выдвигаются новые цели и начинаются новые трансформации». И хотя вся эта квазиреформаторская деятельность осуществляется под лозунгом сохранения лучшего в отечественном образовании (без указания, чего конкретно),

«именно лучшее в советской системе образования утрачено, включая фундаментальность, бесплатность и авторитет учителя». При этом, по мнению авторов, нарастает «отставание от лучших образовательных моделей современности». В новых условиях, в которых оказалась страна, требуются не судорожные фрагментарные действия, речь должна идти «не только о частичном возвращении к специалитету или принципам организации магистратуры и аспирантуры, но и о принципиальных целях образования в современных условиях». Вопросы же об «индивидуальных траекториях образования» или о «компетентностном подходе» являются вторичными. Авторы прямо ставят вопрос о том, должна ли система образования всецело ориентироваться на запросы рынка и просто готовить рабочую силу или её целью является более широко понимаемое развитие человека (с. 7). Суть их позиции как раз и состоит в оценке узко рыночного подхода как недостаточного, и в предложении более широкого социокультурного понимания назначения системы образования.

1.

В первой главе «Образование в системе современных общественных отношений» три параграфа (очерка) – об уникальности российской системы образования, о социальных функциях института образования и о социокультурных аспектах образования – написанные соответственно профессорами О. А. Донских, В. И. Клисториным и Л. Ю. Логуновой.

В первом – ярком и полемичном по форме очерке (с. 9–26) – говорится о невозможности делать что-то всерьёз в условиях безответственного пустословия руководителей, примером чего, по мнению автора, могут служить заявление о выходе из Болонского процесса и вслед за ним заявление, что выходить не нужно, т. к. мы в него и не входили. Говорится о необходимости начинать с «очищения языка» от демагогии и двусмысленности. Автор критически оценивает фактически случившуюся подмену обучения контролем. По мысли автора, требуется возвращаться к модели классического университета, ориентированного на «трансляцию культуры», формирование «полноценной личности», «созидание гражданина», а не на подготовку «узких профессионалов» (с. 13). Полагаем, что автор прав, говоря о необходимости развития человека в системе образования, но также полагаем, что полноценная (фундаментальная и качественная) подготовка профессионалов является обязательной частью высшего и среднего профессионального образования. Автор крайне критично оценивает итоги последнего тридцатилетия. К числу сомнительных достижений этого времени автор относит то, что образование «фактически становится платным», что оно «действительно превратилось в услугу», что «существенно увеличилась нагрузка на преподавателей» (ввиду необходимости подработок из-за низкой заработной платы), что «резко усилилась бюрократическая составляющая образовательного процесса». А «исключительно лёгкий доступ к информации», и «цифровизация образовательного пространства», по мысли автора, имеют серьёзные издержки. Отмечается, в частности, что в этих условиях «восприятие информации не

ведёт к формированию знаний» и «осмысленному отношению к текстам», но ведёт к формированию «общества конформистов» (с. 19–26).

Небольшой параграф о социальных функциях института образования (с. 26–36), написанный В. И. Клисториным, практически полностью посвящён анализу идей и концепций, начиная с эпохи Просвещения, по проблемам роли образования. Собственно социальные функции образования в очерке не рассматриваются. Но из текста ясно, что в качестве таковых автор видит две – передачу знаний и социализацию граждан. Автор подчёркивает, что от качества образования зависит качество общественных институтов, прежде всего государства. Качество образования является также основой развития науки, инновационной деятельности и в целом «научно-технического развития любой страны», претендующей на «заметное место» в мире. Но в центре внимания в очерке находится долгая – трёхвековая – дискуссия о роли образования в жизнедеятельности и развитии общества. Указывается на принятие законов о всеобщем образовании в XVIII–XIX вв., в чём проявилось торжество идеи «доступности высшего образования и всеобщего школьного». Но параллельно с этим вектором развития существовал и противоположный ему, направленный на отрицание доступности и всеобщности образования. Роль этого вектора возрастала по мере роста влияния государства на научно-образовательный процесс, поскольку возрастало опасение «вторжения» государства в данную сферу. Противники школьной формы образования и его широкой доступности предлагали отделение школы от государства (с. 29–35). Собственное понимание назначения, роли и функций образования автор связывает с человеческим капиталом. С этих позиций он доказывает выгоду инвестиций в образование и показывает сложность точной оценки этих вложений (с. 35–36).

Третий параграф-очерк «Социокультурные контексты и парадоксы образования» (с. 37–66), написанный Л. Ю. Логуновой, во многом перекликается с первым. Автор выделяет пять контекстов деятельности российской системы образования в современных условиях – контексты «травмированной социокультуры», «образованности/невежества», «пользы», «ценности знания» и «моды». Освещение каждого из них автор завершает формулировкой присущего данному контексту «парадокса». Хотя в самом этом построении есть некоторое эстетство, а в тексте избыточно много эмоциональных прилагательных, в очерке поставлены реальные проблемы. Автор рассматривает современное российское общество как травмированное (с. 37–43), с присущими ему неопределённостью будущего, запутанностью смыслов, затрудняющими «жизненное планирование». Парадокс травмированного общества состоит в том, что это общество «желает перемен, но сопротивляется изменениям». Анализ контекста «образованности/невежества» (с. 44–48) приводит автора, на наш взгляд, к спорному выводу о расколе российского общества «на образованных управленцев и всех остальных, вынужденных подчиняться, выполнять показатели эффективности благоустройства разных сфер жизни». Полагаем, если бы управленцы отличались приписываемой им образованностью, то не было бы очень многих проблем, о которых ярко пишет автор, в т. ч. заикливости на упоминаемых им отчётных показателях. «Контекст пользы» (с. 48–53) автор видит в доминирующей роли чиновников с их функ-

циями контроля за эффективностью деятельности. Парадокс этого явления формулируется как «подмена ценности пользой», в результате чего «институт образования теряет смысл своего функционирования». Для контекста «ценности знания» (с. 53–58) характерен «парадокс ценностного конфликта», в результате которого преподавателю «предписывается не передавать знания, а удовлетворить спрос рынка на образованных людей». И, наконец, «контекст моды» (с. 58–66), т. е. «мода на образование», состоящая в стремлении иметь диплом как внешний признак образованного человека. В условиях такой моды «обладание дипломом» становится цензом «на вхождение в стилевое сообщество достойных людей». Парадокс моды на диплом состоит в «иллюзии доступности знаний».

2.

Глава 2 посвящена анализу современного состояния высшего и среднего образования, а также проблемам разработки общей стратегической концепции образования, отвечающей национальным особенностям и современным вызовам. В главе можно выделить три больших смысловых блока: система высшего образования до и после присоединения России к Болонской декларации; современное состояние науки и образования в российском обществе и моделирование будущего российского образовательного пространства; реформирование школьного образования.

Глава начинается с краткого изложения истории присоединения России к Болонскому процессу, начало которому было положено в 2003 году подписанием нашей страной декларации, а сам переход был осуществлён в 2011 году (с. 71). Сущность этого перехода, по мнению авторов, заключалась в использовании внешних атрибутов общеевропейской системы образования и полном игнорировании действительно важного с содержательной точки зрения. Например, в принципах Великой Хартии университетов обозначена свобода от экономического давления – у нас произошло сокращение аудиторных часов и укрупнение лекционных потоков, которое оправдывалось именно экономической необходимостью. В Хартии декларируется поддержка культурных различий и национальных традиций – у нас произошло внедрение унифицированной модели в контексте глобализации. Авторы подчёркивают, что сущность Болонской системы – наличие последовательности ступеней образования, каждая из которых обеспечивает определённый уровень квалификации, и возможность горизонтальных переходов внутри каждого этапа и между этапами. Однако до недавнего времени проблема мобильности преподавателей и студентов фактически связывалась российскими чиновниками только с возможностью выезда за рубеж (с. 75), а проблемы и препятствия для осуществления внутрироссийской мобильности ими практически не рассматривались.

В главе подчёркивается, что в настоящее время российское общество заново открывает и учится ценить такие утраченные ценности, как национальный и государственный суверенитет, национальное достоинство, традиции. Отмечается, что, к сожалению, «практически все инициативы, внедрению

которых мы были свидетелями в последние три десятилетия в сфере образования – непродуманное и безответственное экспериментаторство» (с. 86). Для доказательства этого тезиса в тексте выделено отличие понятия «реформы» от других видов преобразований и перечислены виды реформ. Итогом этих рассуждений становится выделение главного в понятии «реформа» – требование сохранения функциональных основ общественной системы, подлежащей реформированию (с. 86).

Авторы выделяют функциональные основы образования советского периода (с. 88–89): бесплатность образования (финансирование с 1960-х годов осуществляло государство); преподавание как фундаментальных, так и прикладных знаний, опыта и компетенций; учёт специфики содержания образования в различных отраслях знания и деятельности, единство образовательных принципов и технологий в образовании, обеспечиваемых контролем, как со стороны научного сообщества, так и со стороны государства; единство содержания образования во всей стране, что позволяло выполнять интегрирующую государственную задачу. Авторы считают, что в настоящий момент функциональные основы образования в значительной степени утрачены и их потерю не заместить преимуществами, полученными от внедрения Болонских принципов. В перечне основных потерь (с. 89–90): потеря опоры на фундаментальные знания и культуры обращения с такими знаниями; потеря государственной монополии на образование; потеря содержательной специфики отраслевого образования; потеря принципа равного доступа к образованию; потеря качества среднего образования.

Авторы формулируют качественные итоги реформаторских усилий (с. 90–91): реформа превратилась в «административно-броуновское движение» (с. 90) – процесс хаотической перестройки образования без просматриваемых горизонтов и сроков окончания этого процесса; процесс уничтожения функциональных основ образования сопровождался минимизацией духовной составляющей, ориентацией науки на мелкие коммерческие темы и проекты вместо решения долговременных фундаментальных задач; единство образовательных принципов заменено образовательно-методическим плюрализмом, что привело к дезориентации управления образованием и деградации качества образования на всех уровнях.

Авторы задаются вопросом: кем же были сформулированы концепция, идеология и стратегия реформы? Авторы приходят к выводу, что контуры реформы и процесс внедрения реформаторских идей в значительной степени иницированы внешними воздействиями – евробюрократией, негосударственными и иностранными государственными фондами (Фонд Сороса, различные исламские фонды и т. п.) и крупными зарубежными корпорациями (например, Cisco) (с. 91). Влияние этих организаций для российских реформаторов превратилось в руководящие указания. От российского общества фактически ничего не зависело, так как любые возражения игнорировались архитекторами реформы. Административный и информационный напор осуществлялся конкретными российскими чиновниками, бизнесом и частью образовательного сообщества. Авторы считают, что «по совокупности различных действий сфера российского образования оказалась не областью

внутригосударственного реформирования, а изначально задумывалась как борьба против национального и культурного суверенитета России» (с. 96–97).

Интерес представляет анализ отношения к реформе всех участников этого процесса. Выделены мнения университетского сообщества, представителей управления образованием, интересы условного «капитала» и субъекта образования. Авторы считают, что основной интерес университетского сообщества состоит в восстановлении идеала Университета, а интересы чиновничества состоят в отстаивании своего доминирования в системе образования (с. 98) и сохранении бесконечности реформаторских процессов. При этом сущностные аспекты не затрагиваются, а переформатируются только учебные планы, программы и прочие локальные аспекты. Отсюда бесконечные реорганизации, катастрофические требования к отчётности, тяга к хаотичным инновациям (с. 99). Авторы сделали прогноз, что итогом дрейфа нынешних реформаторов, бесконечно переформатирующих наше образование, станет «паралич системы производства квалифицированных кадров, науки и культуры» (с. 102). При рассмотрении интересов социальной группы, условно названной авторами «капиталом», подчёркнуто, что ее интересом является формирование глобальной бизнес-структуры, которая когда-то декларировала как особое благо Болонскую систему «для организации свободного перетока или выкачивания российских талантов и технологий на Запад» (с. 104).

В итоге авторы делают вывод, что никакой единой реформы российского образования – продуманной и работающей на интересы государства и общества – последние тридцать лет не было и нет до сих пор. Есть ряд реформаторских трендов, исходящих от различных инициаторов, и есть нечёткие общественные пожелания, каким должно быть будущее российского образования (с. 107). У всех заинтересованных сторон есть свой интерес, и компромисса, выражающего баланс интересов, достичь невозможно. Поэтому любой из ранее предложенных путей реформирования приведёт к неразрешимому конфликту и тогда чьи-то интересы придётся игнорировать. К сожалению, в наиболее влиятельных сценариях реформирования прослеживается желание, с одной стороны, полностью или частично игнорировать интересы двух крупнейших участников этого процесса – государства и народа, с другой – максимально продвигать корпоративные интересы влиятельных, глобалистски ориентированных бизнес-групп.

Следующий большой смысловой блок посвящён качественной характеристике современного состояния науки и образования в российском обществе. Авторы констатируют (с. 110), что суверенного направления в науке и в образовании в России практически не осталось, поскольку даже крупнейшие российские вузы следуют в кильватере ведущих западных университетов. Утверждению в общественном сознании этой позиции содействуют следующие факторы: оценивающую функцию передали западным агентствам, в частности, научная работа измеряется библиометрическими показателями – необходимостью публиковаться в изданиях, включенных в WoS и Scopus (отметим, что монография была издана в 2022 году). Авторы отмечают, что российская система подготовки кадров представляет для Запада интерес как «интеллектуальное, высококачественное сырьё для мировых университетов» (с. 111).

Начавшийся «процесс развода» с Болонским образовательным процессом потребует пересмотра многих принципов управления и функционирования всей системы российского образования. Авторы считают, что российское образовательное пространство будет создаваться: как самостоятельная структура на глобальном рынке образовательных услуг; на фоне жёсткой конкуренции с европейскими, англосаксонскими, китайскими, японскими и другими моделями образования; при явном преобладании технократического подхода и усилении зависимости образования от финансово-экономических, социально-политических и ментально-психологических доминант (с. 123). К основным внутренним факторам для России авторы отнесли (с. 134): слабое влияние всех субъектов на ход образовательного процесса – государства, гражданского общества, семьи, индивида; психологический дискомфорт субъектов российского образовательного пространства, обостряемый постоянными «метаниями» регуляторов изменений в системе образования на протяжении многих лет; разносторонняя и фактическая диффамация педагогического сообщества, обвиняемого СМИ в развале системы образования и некомпетентности.

Авторы подчёркивают, что выход из Болонской системы заставляет российских регуляторов искать рациональные алгоритмы развития и нести соответствующую ответственность. В связи с этим выделяется программная разработка «Российское образование–2020» как модель образования, наиболее адекватная нынешнему периоду и существующим вызовам (с. 134). Авторы считают, что в ней заложены принципы всей системы российского образовательного пространства: доступность качественного образования для любого жителя страны и его непрерывность – обеспечение возможности учиться, повышать свою квалификацию и перепрофилироваться в любом возрасте; ориентацию системы образования на инновационное развитие экономики; её открытость для общества, возможность внешней общественной оценки уровня учреждений и их образовательных программ. Разработка ориентирована на все уровни российской образовательной системы: дошкольное образование, дополнительное, начальное, среднее и высшее профессиональное образование. Однако здесь отмечено, что прокламация принципов не есть их реализация и даже не возможность таковой.

Глава 2 заканчивается подробным рассмотрением проблемы реформирования школьного образования. Авторы отмечают, что советская школа прошла долгий путь от преодоления массовой неграмотности до восьмилетнего всеобуча, активно развивалась в 1960–1970-е годы (с. 142). В основе лежала идея всестороннего развития личности ребёнка, ставились задачи приобретения учащимися глубоких знаний основ наук, профессиональная ориентация, идейно-политическое, трудовое, правовое, эстетическое и физическое воспитание. Значительное место занимала внеклассная работа, проводимая совместно родителями, общественностью, профессиональными сообществами, пионерской и комсомольской организациями. Внеклассная работа имела не эпизодический, а всеохватный и систематический характер. Особенностью школы того периода была доступность факультативов, кружков, студий, спортивных секций, клубов, занятий в коллективах художе-

ственной самодеятельности. Именно на этом основана ностальгия по этому периоду, размывающая её отрицательные характеристики.

В настоящее время адресная педагогическая помощь, направленная на нахождение ребенком практических решений, способствующих самосозиданию, самоизменению и оформлению лично значимых смыслов, не включена в практику образования российских учителей, и в большинстве школ для реализации таких технологий нет необходимых условий, так как мешает чудовищная нагрузка учителя, блокирующая личностную модель взаимодействия. По результатам свежих исследований, приведённых авторами (с. 153), из-за нахождения учащихся старших классов в виртуальном пространстве изменяются когнитивные способности детей: утрачиваются навык концентрации на учебном материале, снижается общий уровень абстрагирования, способности к обобщению, нарушаются логика аргументации и критическая оценка, наглядно-образное мышление заслоняет собой словесно-логические связи.

Вывод, сделанный авторами, совсем не оптимистичен – в настоящее время любая (успешная или неуспешная) школа больше не воспроизводит смыслы, она минимально или совершенно не влияет на становление человека, формирование здорового нравственного стержня, с опорой на который должны развиваться детские способности и таланты. Авторы отмечают хаотичность воспитательной деятельности в системе образования, которую выделяют многие представители педагогического сообщества, и некомпетентность семьи как субъекта российского образовательного пространства, одновременно подчёркивая, что ведущей силой процесса формирования личности в настоящее время стали субкультура и Интернет. Авторы монографии одобряют введение в школах федеральной основной образовательной программы – документа, унифицирующего содержательную часть ряда учебных дисциплин. В настоящий момент предполагается разработать единообразный список учебников и пособий, возвратиться к единым программам и требованиям.

В заключение темы авторы констатируют, что «мы находимся в точке бифуркации и определение отношения между современной и советской школами позволит понять, кто мы и чего сегодня хотим: мы наследники образовательных традиций, подражатели, простые комбинаторы или вовсе копи-пастеры» (с. 156).

3.

Третья глава «Философия в системе современного образования» состоит из двух параграфов – о роли философии в образовательном процессе и о критическом мышлении соответственно, к которым тематически примыкает приложение «У порога веры». Весь этот блок очерков основывается на том, что образование – это не только подготовка специалиста, но и развитие человека, и посвящён формированию ценностей, мышления, мировоззрения человека. В первом параграфе (В. В. Чешев) объясняется роль философии в формировании национального самосознания (с. 158–161) и в цивилиза-

ционной самоидентификации (с. 161–170). Оба этих сюжета являются своего рода культурологическим введением к основному вопросу параграфа – освещению автором сути «образовательного кризиса» и путей его преодоления (с. 170–183). Главным автор считает вопрос о том, «способна ли гуманитарная мысль России» дать ответ на «ментальный вызов Запада?». Речь идет об индивидуализме и «дегуманизирующем воздействии» массовой потребительской культуры. Автор считает, что в отличие от европейского Просвещения с его идеями «естественных прав» и «самодостаточности индивида» русская философия исходила из понимания человека как родового, общинного, «живущего ощущением своей связи с целым» (с. 170). С этих позиций автор оценивает вхождение России в Болонский процесс как разрушающий собственно российскую «структуру самочувствования» и искажающий «культурно-воспитательную функцию образования». Автор категорически не согласен с пониманием образования как «коммерческой услуги», а также с целью формирования «квалифицированного потребителя» и заменой «фундаментального образования компетентностным». Именно философская рефлексия, по его мысли, должна помочь преодолеть формируемую существующей системой образования «эгоистическую разобщённость» (с. 180–183).

Второй параграф (Э. Р. Барбашина), посвящённый критическому мышлению, непропорционально велик по объёму (с. 170–218), но менее содержателен. Отсутствие определения и собственного понимания феномена критического мышления компенсируется тем, что в тексте собрано множество самых разнообразных материалов, связанных между собой утверждениями о том, что критическое мышление «необходимо» в процессе обучения и что оно является «обязательной характеристикой современного профессионала», что рынок требует критического мышления и что оно является «обязательным условием научной деятельности».

Тематически к «философской» главе примыкает приложение – оригинальное эссе (Л. Л. Штуден) «У порога веры» (с. 219–230). По идеям оно перекликается с очерком В. В. Чешева. Оба текста о формировании мировоззрения, оба ориентируют на возвращение к корням и традициям. Только в очерке В. В. Чешева обосновывается возвращение к фундаментальному образованию, опирающемуся на российские культурно-исторические традиции при сохранении светского характера образования, а в эссе Л. Л. Штудена говорится о ценности возвращения в систему образования веры. Разумеется, сама постановка вопроса является дискуссионной, чем, видимо, и объясняется статус данного эссе, как приложения.

Книга по многим основаниям не является классической научной монографией, но, возможно, именно это помогло большому сообществу самостоятельных учёных, преподающих в современных вузах, изложить каждому собственное видение проблем образования и способов их решения, объединённых принципиальным неприятием той квазиреформы образования, которая изуродовала в чём-то устаревшую и нуждавшуюся в модернизации, но не в разрушении, отечественной системы образования, и принципиальным

пониманием выхода из существующего кризисного положения, как формирования образовательной системы на принципах фундаментального образования. Книга глубокая, интересная, в чём-то спорная, и она, несомненно, заслуживает внимания думающих людей.

Статья поступила в редакцию 11.09.2023. Принята к публикации 18.10.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Семенов Евгений Васильевич *eugen.semenov@inbox.ru*

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

AuthorID РИНЦ: 764546

ORCID: 0000-0001-8159-9163

Сказочкин Александр Викторович *avskaz@rambler.ru*

Кандидат физико-математических наук, Doctor of Philosophy (инженерные науки), генеральный директор, ООО «Криокон», Калуга, Россия

AuthorID РИНЦ: 42809

ORCID: 0000-0002-6585-3026

Scopus Author ID: 6508248800

Web of Science ResearcherID: AAH-8671-2019

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.4.16

A PROJECT TO PURIFY EDUCATION OF THE SUPERFICIAL AND RETURN TO THE ROOTS

Review of the Joint Monograph “Modern Russian Education: Challenges and Answers”²

Evgeny V. Semenov¹, Aleksandr V. Skazochkin²

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

² LLC “Kryokon”, Kaluga, Russia

For citation: Semenov, E. V. and Skazochkin, A. V. (2023). A project to purify education of the superficial and return to the roots. Review of the joint monograph “Modern Russian Education: Challenges and Answers”. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 5, no. 4. P. 225–236. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2023.5.4.16.

² *Modern Russian education: Challenges and answers* : A monograph / O. A. Donskikh, V. I. Klistorin, L. Yu. Logunova [etc.] ; ed. by O. A. Donskikh; Novosibirsk State University of Economics and Management. Novosibirsk : NSUEM, 2022. 274 p. (In Russ.).

Abstract. The monograph provides an analysis of the condition of the education system in Russia and the process of its renewal. The authors discuss issues of for-profit education, the training of professionals in the higher education system, the development of values, thinking and worldview of a person during the educational process in detail and consider the problems of reforming school education. They highlight the qualitative analysis of the state of the higher education system before and after Russia's ratification the Bologna Declaration, outline the functional foundations of education in the Soviet period and formulate the results of the reform efforts of recent decades. The authors substantiate the conclusion that there has been no unified reform of Russian education – a well-targeted and working for the interests of the nation state and society – for the last thirty years. And there is still no such reform. There are only a number of reform trends coming from various initiators, and there are vague public proposals for what the future of Russian education should be. The authors predict that it will be developed as an independent structure in the global education services market under conditions of many determining factors.

Keywords: conceptions of educational development, higher education, secondary education, Bologna system, reform, systematic approach, level of qualification, learning process, functional foundations of education, competencies, educational principles, educational space, fundamental education, cultural and historical traditions

The article was submitted on 11.09.2023. Accepted for publication on 18.10.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny V. Semenov *eugen.semenov@inbox.ru*

Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

AuthorID RSCI: 764546

ORCID: 0000-0001-8159-9163

Aleksandr V. Skazochkin *avskaz@rambler.ru*

Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Doctor of Philosophy in Engineering, CEO, LLC "Kryokon", Kaluga, Russia

AuthorID RSCI: 42809

ORCID: 0000-0002-6585-3026

Scopus Author ID: 6508248800

Web of Science ResearcherID: AAH-8671-2019